

ВЛАДИСЛАВ ЛОГАЧЕВ

ХЛЕБ для ЖИВЫХ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Владислав Логачев

Хлеб для живых

«Автор»

2026

Логачев В.

Хлеб для живых / В. Логачев — «Автор», 2026

В поселении царских мастеров близ Фив задерживают выдачу зерна. Бек умеет работать с камнем, чинить чужие вещи и смешить своего сына. Но однажды он исчезает, и маленький Сенеб остаётся в доме соседей. Проходят годы. Сенеб становится писцом, женится, растит дочь и старается не вспоминать человека, который, как он уверен, его бросил. Вернувшись в родной посёлок, он берётся разбирать старые долги и находит запись об отце. За сухими строками проступает другая история — о голоде, страхе и решениях, последствия которых переживают целые семьи. Теперь Сенебу предстоит узнать правду о своём прошлом и решить, как жить с теми, кого он продолжает любить. «Хлеб для живых» — исторический роман о простых людях Древнего Египта, отцовстве, памяти и цене спасения.

© Логачев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О создании книги	5
Часть первая Хлеб	6
Глава 1 Чужой кусок	6
Глава 2 День у реки	11
Глава 3 Поле для умершего	15
Глава 4 Утро без работы	20
Глава 5 У стены храма	25
Глава 6 Пока не остыл	28
Глава 7 Два мальчика	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владислав Логачев

Хлеб для живых

О создании книги

Текст романа подготовлен с использованием ChatGPT (OpenAI): он сгенерирован и доработан в диалоге с автором. Автор задавал направление работы и согласовывал изменения. Обложка и иллюстрации созданы средствами генерации изображений OpenAI.

Часть первая Хлеб

Глава 1 Чужой кусок

Хенут резала хлеб так, чтобы дети не заметили плесени.

Она соскребала серый пушок раковинной, откладывала крошки на отдельный черепок и поворачивалась спиной всякий раз, когда Сенеб поднимал голову. Он сидел у порога и пытался вытащить колючку из пятки. Колючка вошла глубоко, а признаться было стыдно: отец велел не ходить к пустым загонам, и Сенеб, конечно, первым делом пошёл туда.

— Дай ногу, — сказала Хенут.

— Уже вытащил.

— Значит, дай другую.

Он протянул больную. Она посадила его ближе к свету, зажала пятку между коленями. У неё были жёсткие пальцы, в трещинах возле ногтей белела мука.

Хори наблюдал за ними с циновки.

— Он даже не плачет.

— А ты отвернись, — ответила Хенут. — При тебе ему неудобно.

Сенеб посмотрел на неё с благодарностью. Она не улыбнулась, но ослабила пальцы.

Дома так никто не делал. Отец обычно говорил: «Потерпи, я сейчас», потом долго искал иглу, сердился на себя и наконец выдёргивал занозу вместе с кусочком кожи. После этого они оба ходили злые, пока отец не приносил с улицы что-нибудь совершенно ненужное: гладкий камешек, перо, жука в сложенном листе.

Мать Сенеба умерла в прошлом разливе. Сначала всё в доме продолжало пахнуть ею. Потом отец выстирал оставшуюся одежду, и запах исчез. Сенеб рассердился так сильно, что бросил в него миску. Отец не наказал. Только поднял осколки и долго сидел с ними на ладони, будто собирался что-то починить.

Теперь, когда Бек уходил на работу, Сенеб ел у Хенут. Иногда оставался и ночевать. Хори был младше и мешал спать: клал ноги ему на живот, разговаривал, просил рассказать про скорпиона, которого Сенеб никогда не видел, но однажды по глупости придумал.

— Большой? — всякий раз спрашивал Хори.

— С твою ступню.

— Врёшь.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Хори смеялся и начинал кашлять. Последние дни кашель стал сухим и длинным. После него мальчик лежал неподвижно, прислушиваясь к груди.

Хенут вынула колючку.

— Вот. Целое копьё.

Она показала её Хори, и тот уважительно посмотрел на друга.

Вошёл Нахт. Его пояс был белым от каменной пыли, а под ногтем большого пальца синела краска. Он рисовал для умерших такие вещи, каких живые в их улице не видели: пруды, где было больше рыбы, чем воды, тяжёлые виноградные гроздья, длинные столы с мясом.

Сенеб любил смотреть, как он работает. Сначала человек на камне был набором углов, потом Нахт проводил кистью ещё раз — и у человека появлялось колено.

— Выдали? — спросила Хенут.

Нахт снял с плеча пустую сумку.

— Сказали, завтра.

Хенут вернулась к хлебу. Раковина закрипела громче.

Нахт сел возле Хори, приложил губы к его лбу.

— Горячий ты у меня. Зачем солнце проглотил?

— Оно само.

— Выплюнь к вечеру. Мне работать надо, в темноте не умею.

Хори хотел засмеяться, но только закашлялся.

Когда пришёл Бек, хлеб уже лежал на четырёх черепках. Хенут поставила пятый. Бек заметил, что куски стали меньше, и сделал вид, будто не заметил.

Он принёс луковицу, завернутую в тряпицу.

— Целая, — сообщил он. — Богатеть начинаем.

— Садись, пока не украли, — сказал Нахт.

Пока Хенут делила луковицу, Хори потребовал оставить ему середину. Сенеб сказал, что середины там нет: везде одно и то же.

— Есть, — возразил Хори. — Самая маленькая.

Нахт разнял несколько белых колец, положил на ладонь сыну крошечный тугой побег. Хори торжествующе поднял его. Сенеб сделал вид, что не смотрит, хотя теперь и ему хотелось такой же.

— Можешь половину, — предложил Хори.

Сенеб отказался. Побег был величиной с ноготь, его невозможно было поделить, не потеряв, и именно поэтому предложение показалось обидным. Бек незаметно подвинул сыну кусок со своего черепка. Сенеб заметил. Все замечали такие вещи и делали вид, будто заняты другим.

Они ели медленно. Хенут осталась у очага. Сенеб видел её босую пятку и край платья, залатанный другой тканью. Когда она присела поправить топливо, он заметил у неё в руке тот самый черепок с соскобленными крошками.

Он перестал жевать.

Бек сразу посмотрел на него. Потом — на Хенут.

— Я утром ел, — сказал он и положил половину своего куска возле очага.

— Все вы утром ели, — ответила она, не оборачиваясь.

Нахт полез в сумку, хотя они уже видели, что она пуста.

Бек вытащил у него из-под локтя плоский камень. На камне был нарисован гусь с человеческой головой.

— Это кто?

— Начальник.

— Непохож. У этого глаза умные.

Хори засмеялся. На этот раз кашель не пришёл сразу, и все успели обрадоваться.

За едой Нахт спросил, не починит ли Бек низкую скамью. Та давно шаталась, но сегодня Хенут едва не упала вместе с тестом.

— С утра почию.

— Он каждое утро говорит, — сообщил Сенеб.

Бек посмотрел на сына.

Хори приснул и торопливо зажал рот. У него из ладони выскользнул луковый побег. Он принялся искать в складках одежды, всё больше сердясь, а взрослые вдруг стали смеяться — не над ним даже, просто наконец нашлось что-то, над чем можно.

Сенеб испугался, что обидел отца. Но Бек вытащил из-под себя скамью, поставил перед собой и потребовал дать инструмент немедленно: не хочет, чтобы два бездельника испортили ему доброе имя.

Скамья требовала больше, чем он думал. Нахт подержал один край. Они спорили, кто её делал и кто потом неправильно пользовался. Хенут предложила до конца спора посидеть на полу.

Сенеб пошёл за водой для отца. Вернувшись, застал Бека нагнувшимся над ножкой: подбородок вытянут, нижняя губа прикушена. Он всегда так делал, когда что-нибудь не поддавалось. Мальчик поставил чашку возле его ступни.

— Не каждое, — сказал он.

Бек поднял голову.

— Что?

— Ты не каждое утро говорил. Только вчера.

Отец взял чашку, отпил.

— И позавчера, — сказал он. — Тут ты прав.

Сенеб сел рядом. Через некоторое время Бек дал ему подержать оружие. Не работать, просто держать, пока он подгоняет дерево. Сенеб выпрямил спину.

Хори тоже хотел помочь, но Хенут велела ему лечь. Он долго спорил, потом лёг с таким видом, будто это его собственное решение. Когда скамью закончили, спал. Побег лука нашёлся у него под коленом.

Хенут осторожно сняла его с ткани и положила на край черепка.

Бек не сразу увёл его домой. Надо было вернуть инструмент соседу, пока тот не лёг. На улице ещё держался свет, но в проходах уже потемнело, и Сенеб то и дело наступал в выбитые ногами ямки. Отец шёл впереди, зажав оружие под мышкой. Свободной рукой придерживал край одежды, чтобы не цеплялся за стену.

Возле соседского дома толпились женщины с сосудами. Воду принесли поздно, и теперь каждая старалась встать ближе. Из-за плеч торчали горлышки, бока кувшинов тёрлись друг о друга с сухим неприятным звуком. Бек остановился позади всех. Сенеб думал, что отец сейчас протолкнётся, скажет, что ему только вернуть вещь, но тот поставил сумку на землю и сел рядом с сыном.

У мальчика слипались глаза. Он уткнулся носом отцу в плечо и почувствовал запах пыли, высохшего пота, дерева. Под тканью двигалась лопатка. Бек незаметно переместил руку, чтобы Сенеб мог устроиться удобнее, и долго сидел так, хотя очередь ушла вперёд.

Домой они принесли немного воды. Бек отлил в чашку и велел вымыть ноги. Сенеб сердился: пятка уже не болела, зато теперь надо было опять пачкать пальцы. Пока он возился, отец вынул из ниши одежду, которой не было в доме Хенут. Развернул, проверил швы. Одну вещь отложил отдельно.

Это была короткая рубашка Сенеба. У горла темнело пятно, не отстиравшееся после прошлого разлива. Ипет говорила, что не стоит тереть сильнее, всё равно скоро вырастет. Бек сложил её так, чтобы пятна не было видно.

Мальчик отвёл глаза. Ему вдруг показалось, что смотреть на отца сейчас нельзя. Он слишком громко вылил грязную воду, задел чашкой стену. Бек вздрогнул, потом раздражённо спросил, обязательно ли разбить всё до конца.

Сенеб лёг, не отвечая. Отец ещё долго ходил по комнате. Сдвигал вещи, вынимал что-то из сумки и клал обратно. Потом вышел к порогу. Оттуда раздался тихий скрежет: он подтачивал оружие, которое завтра понадобится в работе.

Сквозь сон Сенеб видел полоску света под отцовским локтем. Когда Бек наклонялся, полоска исчезала; когда выпрямлялся, снова ложилась на пол. Мальчик несколько раз открыл глаза проверить, на месте ли она, и заснул только после того, как услышал рядом тяжёлое отцовское дыхание.

Позднее Сенеб помнил этот обед лучше, чем день, когда умерла мать. Светлую полоску лука между пальцами отца. Синюю краску у Нахта. Хенут, которая наконец села и отломила себе хлеба.

В памяти хлеб всегда был свежим.

Глава 2 День у реки

За несколько дней до того обеда Бек повёл сына к воде.

Он собирался выменять немного рыбы и заодно исправить ручку на чужом ящике. Ящик был тяжёлый, громоздкий; нести его пришлось бы всю дорогу на спине, если бы Нахт не вызвался помочь. Хори увязался за ними. Хенут сначала запретила, потом потрогала его лоб и велела не заходить в воду выше колен.

— А если я упаду? — спросил Хори.

— Тогда вставай.

Нахт взял полотняную тряпицу на случай, если сын всё-таки упадёт и какое-то время не сможет исполнить материнское распоряжение.

Они вышли рано. Внизу земля меняла цвет. Камень уступал место затоптанной почве, дальше начинались поля. Сенеб каждый раз удивлялся, как быстро пропадало ощущение, будто ничего, кроме их улицы и скал, вообще не существует. Здесь кричали другие ослы. Люди шли в другую сторону. Женщина несла корзину так, словно в ней была пустота, хотя Сенеб видел тяжёлые дыни.

На берегу пахло мокрой верёвкой и рыбой. Мужчина в лодке вычерпывал воду половиной разбитого сосуда. Сенеб спросил, почему он не заделает дырку.

— Потому что тогда нечего будет делать, — ответил Бек.

Мужчина поднял голову.

— А тебе, вижу, уже нечего.

Бек рассмеялся и полез помогать. Ящик они поставили под навесом. Нахт снял сандалии, проверил, нет ли в них камней, хотя за дорогу ни разу не пожаловался.

Хори немедленно пошёл в воду.

— До колен, — напомнил Нахт.

Мальчик остановился, задрал платице ещё выше и посмотрел на собственные колени, будто они могли переместиться.

Под навесом было тесно от вещей, которые хозяин лодки считал нужными. Ключья старой сети висели над головой, в корзине ворочалась рыба, под ногами лежал гладкий от постоянного употребления шест. Когда ящик повернули, из щели потекла тёмная вода. Бек подложил под край камень, наклонился ещё ниже. Сенеб видел, как у него на шее выступила жила.

Нахт принялся придерживать вторую стенку. Дерево было разбухшим, старая ручка держалась хуже, чем казалось с берега. Стоило потянуть, как один конец вышел вместе с раскрошившимися волокнами. Ящик тяжело осел. Бек успел отдёргнуть ногу, но Нахт задел голенью угол и несколько мгновений стоял, крепко зажмурившись.

Сенеб испугался сильнее, чем отец. На голени появилась узкая красная полоса. Нахт обтёр её мокрой ладонью и велел мальчику принести что-нибудь подложить. Тот бросился искать. Всё, что лежало рядом, почему-то не годилось: камни были круглыми, обрезки слишком тонкими, тяжёлый шест нельзя было отпустить без спроса. Наконец он нашёл короткую дощечку у самого края воды. Одну сторону облепили мелкие раковины. Он соскрёб их ногтем, ободрал палец и понёс добычу с таким видом, будто без неё работа остановилась бы навсегда.

Теперь держать ящик поручили ему. Бек показал место, где можно ухватиться, не прищемив кожу. Мальчик напряг руки заранее. Оказалось, груз почти не давит: Нахт уже принял большую часть на себя. Сенеб всё равно упирался пятками, тянул плечи назад. Ему нравилось, что отец больше не отсылает его с дороги.

По воде прошла лодка. Поднятая ею волна шлёпнула по берегу, добралась до их ступней и унесла несколько светлых стружек. Сенеб проследил за одной. Она кружилась, застряла

возле корня, снова поплыла. В ней не было ничего нужного, но мальчик вдруг захотел догнать, спрятать: минуту назад её срезала отцовская рука.

Он пошевелился, и ящик качнулся. Бек коротко окликнул его. Сенеб вцепился крепче. Кожа между пальцами заболела, ноги начали дрожать. Пока отец подгонял ручку, мальчик успел разозлиться на работу, на воду, на Хори, которому разрешили бродить рядом, и тут же устыдиться этой злости. Когда наконец велели отпустить, он не сразу смог разжать руки. Долго тёр ладони о колени, стараясь, чтобы мужчины не заметили.

Сенеб стоял рядом с отцом. Тот держал ящик ногами и подгонял новую деревянную ручку. Руки у него были большие, неповоротливые на вид. Но тонкую щепку он снимал так аккуратно, что Сенеб всегда ждал: сейчас она порвётся. Щепка завивалась и падала целой.

— А ты можешь сделать лодку?

— Могу.

— Настоящую?

— Маленькую.

— Чтобы я сел.

Бек прищурился на него.

— Тогда тебе надо стать поменьше.

Новая ручка оказалась толще, чем требовалось. Бек снял ещё стружку, попробовал, опять снял. Нахт предложил помощь. Они обменялись инструментом, и Сенеб увидел, что отец сразу стал раздражаться.

— У меня бы получилось.

— Сейчас и получится.

— Дай сам.

Нахт вернул орудие. Лёг в стороне, прикрыл глаза. Бек работал слишком быстро, срезал лишнее, остановился. Подержал дерево перед собой.

Сенеб опустил голову. Ему хотелось, чтобы Нахт больше не смотрел.

— Давай другой кусок, — сказал Нахт.

— Этот подойдёт.

— Подойдёт. Только завтра отвалится.

Бек вскинулся, и Сенеб впервые испугался, что они сейчас поссорятся всерьёз. Отец говорил резко, Нахт отвечал всё спокойнее. Из-за этого Бек злился ещё сильнее.

Наконец бросил испорченную ручку.

— Тебе хорошо. Нарисовал лишнюю руку, замазал.

Нахт сел.

— Думаешь, не видно, где замазал?

Он сказал это без улыбки. Бек посмотрел на него, выдохнул, пошёл искать другой кусок дерева. Сенеб остался у ящика. Тот больше ему не нравился: некрасивый, тяжёлый, из-за него отец выглядел неумелым.

Вернувшись, Бек положил заготовку перед Нахтом.

— Покажи.

Слово вышло сердитое, но Нахт не обиделся. Подвинулся, объяснил, где снять меньше, где больше. Сенеб присел ближе. Хори позвал их к воде, ему никто не ответил.

Когда ручка встала на место, Бек долго тянул её на себя, проверял. Потом повернул ящик, чтобы Нахт помог с другой стороны.

— Теперь не отвалится, — сказал тот.

— Если твои рисунки тоже так проверять, все люди останутся без рук.

Нахт рассмеялся. Напряжение разом исчезло. Сенебу стало легче, хотя он всё ещё сердился на ящик.

Пока мужчины убирали стружки, он услышал, как Бек сказал:

— С зерном верну. Не забыл.

— Сейчас не надо.

— Я не просил прощать.

— И я не прощал.

На этот раз отец не рассердился. Кивнул, спрятал инструмент в сумку.

Сенеб понял, что речь идёт о долге, и немедленно захотел оказаться подальше. После смерти матери отец всё время кому-нибудь что-нибудь обещал: зерно, работу, кусок ткани, который ещё предстояло получить. Мальчику казалось, будто люди забирают его понемногу, оставляя дома только усталого человека, которому не до разговоров.

Нахт засмеялся, не открывая глаз. Он лежал на боку, подложив сумку под голову. Они выглядели людьми, у которых впереди много времени, и Сенеб тоже решил никуда не спешить.

Хори упал почти сразу.

Вода была мелкая; он поднялся сам, но испугался так, что плакал уже на берегу. Нахт снял с него мокрую одежду, завернул в ткань. Сенеб ожидал, что отец станет ругать Хори. Нахт только сел рядом и начал выжимать одежду.

Бек отложил ящик. Принёс из лодки глиняную чашу, поставил перед мальчиком. В ней ползал маленький краб.

— Смотри, этот тоже ругается.

Хори всхлипнул.

— Он не ругается.

— Ты послушай.

Бек стал шевелить губами, изображая тонкий злой голос. Нахт велел ему не учить ребёнка дурным словам. Сенеб смеялся громче всех, хотя половину слов не знал.

Обратно они шли медленнее. Рыбы удалось получить меньше, чем надеялись: хозяин ящика решил, что старая ручка ещё послужила бы. Бек ругался, а Нахт говорил, что надо было дать ей послужить ещё один день, чтобы ящик упал с лодки.

Хори попросился на плечи. Нахт поднял его, потом, на подъёме, передал Беку. Сенеб шёл следом. Ему вдруг стало обидно до слёз.

Бек обернулся.

— Ты чего отстал?

— Ничего.

Отец посмотрел на Хори, потом опять на сына.

— Тяжёлый уже, — сказал он.

— Я и не просил.

— Знаю.

Он не стал ставить Хори на землю. Только протянул свободную руку. Сенеб не взял её сразу. Некоторое время они шли так: отец с вытянутой ладонью, сын рядом, сердитый, очень взрослый.

На крутом месте Сенеб всё-таки ухватился за два пальца.

Вечером рыбу делили на всех. Хенут проверила одежду Хори, понюхала её и посмотрела на мужа.

— Упал? — спросила она.

Нахт развёл руками.

— Встал.

Хенут хотела рассердиться, но Хори уже пересказывал ей разговор краба, и она повернулась к Беку с таким лицом, что оба мужчины поспешили заняться рыбой.

Сенеб заснул у стены, не дождавшись конца ужина. Сквозь сон услышал, как отец сказал, что придётся его нести.

— Тяжёлый стал, — ответил Нахт.

— Ещё нет, — сказал Бек.

Глава 3 Поле для умершего

До остановки работы Бек поднимался затемно. На улице ещё не различали лиц; люди узнавали друг друга по голосам и по тому, как ступают. У одного звякало в сумке, другой кашлял, третий постоянно наступал на камни и начинал ругаться ещё прежде, чем совсем проснётся. Бек шёл молча. Дома оставался сын, сонный, сердитый, не желавший отпускать его с первого слова.

Подъём забирал дыхание. Впереди светлела полоса неба над скалами. Когда солнце вышло, оно сперва ложилось на верхние края камня, а люди ещё шли в прохладе между стенами. Бек любил эти несколько мгновений. Позже станет жарко, потом не останется времени смотреть вверх. Он поправлял ремень и старался не думать, чем сегодня накормит мальчика после возвращения.

У работы всё начиналось с проверки. Где осыпалось, что успели убрать, какой край можно тронуть, а какой ещё держит лишнее. Бек проводил ладонью по камню. Подушечки пальцев давно утратили чувствительность к мелким царапинам, но разницу поверхности он ощущал сразу. Шероховатое цепляло, гладкое уходило из-под руки. Он выбирал точку, ставил орудие, прищуривался.

Первый удар всегда получался громче, чем ожидал. Потом ухо привыкало. Из глубины отвечали другие удары, с разной частотой, и постепенно в этом шуме появлялся порядок. Бек узнавал, кто спешит, кто остановился поправить инструмент, кто упёрся в трудное место и сердится. Иногда ему казалось, что можно работать с закрытыми глазами, ориентируясь только на этот глухой разговор.

Пыль лезла в рот, оседала в складках возле глаз. Он выплёвывал, вытирал губы тыльной стороной ладони. Воду берегли, но сегодня молодой работник выпил свою слишком быстро и теперь всё поглядывал на чужие сосуды. Бек отдал ему немного. Ничего не сказал, хотя сам терпеть не мог людей, которые не умеют рассчитать простое.

На одном месте инструмент повело. Край откололся не там, где нужно. Бек замер, посмотрел, оценил, что осталось. Первым движением было ударить сильнее, наказать камень за упрямство. Он отвёл руку. Положил орудие, сел, дождался, пока перестанут дрожать пальцы. Отец когда-то говорил, что камню всё равно, насколько ты сердитый; ему достанется один удар, а тебе потом весь день исправлять. Бек давно не вспоминал эти слова. Теперь повторил про себя и принялся исправлять.

К полудню болели плечи. На старой царапине разошлась кожа, и ремень начал натирать именно там. Во время короткого отдыха Бек снял его, посмотрел на след, опять надел. Рядом говорили о выдаче, о том, кто ходил спрашивать и что услышал. Никто не говорил ничего нового. От повторения голод не становился меньше.

Возвращаясь, он подобрал короткий обрезок дерева, оставшийся после чужой работы. Покрутил, проверил ногтем, нет ли трещины. Из него могла получиться маленькая вещь, которую приятно держать в руках. Сенебу теперь всё казалось слишком детским. Хори обрадовался бы. Бек убрал обрезок в сумку, поднял голову и увидел внизу дома. Над одним шёл дым. Он попытался угадать, у кого уже готовят, и прибавил шаг.

* * *

За несколько дней до того, как кончился хлеб, у Нахта был заказ, о котором он не любил рассказывать Хенут: нужно было поправить роспись в небольшой погребальной часовне. Заказчик хотел добавить больше хлебов на столе перед покойным и заменить имя родственника, с которым поссорился.

Хенут помнила прежнюю работу в этом доме: за неё рассчитались не сразу и не полностью. Нахт пообещал больше не ходить, но теперь сын умершего прислал за ним и велел

поправить старую роспись. Заодно можно было спросить про остаток платы. Нахт надеялся вернуться с чем-нибудь, прежде чем жена начнёт расспрашивать.

Нахт взял Сенеба помочь растереть краску. Хори не смог идти — снова жарило. Перед выходом он попросил нарисовать ему рыбу.

— Большую?

— Чтобы съесть.

Нахт пообещал и засунул за пояс чистый обломок известняка.

Часовня была тесной. Сенеб раньше думал, что внутри должно пахнуть мёртвым человеком. Пахло пылью, краской и немного мышами, как в кладовой. Он разочаровался и сразу почувствовал вину за разочарование.

На стене мужчина стоял рядом с женой. Лица у обоих были спокойные, молодые. Сенеб видел живую женщину, когда они входили: она сидела под навесом, опираясь на палку, и просила служанку не оставлять сосуд на солнце.

— Здесь она другая, — сказал он.

— Здесь она такой останется.

Нахт провёл пальцем по непоправленному месту, наклонил голову.

— Держи чашку ровно.

Сенеб взялся обеими руками. На стене росли деревья, которых он не знал. Мужчина ловил птиц, потом тот же мужчина сидел за столом, потом шёл по полю. Везде был живой, хотя ради него всё это рисовали потому, что он умер.

— А ему не надоест одно и то же делать?

Нахт обернулся.

— Тебе есть каждый день надоело?

Сенеб подумал и покачал головой.

— Вот.

Прежде чем взяться за рисунок, Нахт очистил стену. Внизу краска отставала тонкими чешуйками. Он снимал только то, что уже не держалось, а Сенеб подставлял обломок и смотрел, как исчезает край нарисованной одежды. От дыхания чешуйки взлетали. Приходилось отворачиваться, прижимать губы, стоять неподвижно, хотя затекали колени.

Свет попадал в часовню узкой полосой. То, что у двери казалось светлым, в глубине становилось серым. Нахт несколько раз выходил наружу с приготовленной краской, проверял её и возвращался. Сенеб тащился следом, бережно обхватив чашку. На солнце вода в ней просвечивала; в помещении казалась густой и тёмной.

В одном месте стена осыпалась сильнее. Нахт попросил достать из сумки свёрток, смочил поверхность и начал выравнивать. Его пальцы двигались иначе, чем с кистью: жёстко, с нажимом. Сенеб раньше думал, что рисовальщик только сидит и проводит линии. Теперь у него самого тянуло плечи, ладони липли, а работа всё ещё не дошла до рисунка.

Под потолком кто-то зашуршал. Мальчик поднял голову, увидел в углу движение, отступил и ударил пяткой сосуд. Нахт успел схватить его за локоть. Вода плеснула на пол, но чашка осталась в руках. Из-за стены выскочила маленькая мышь, перебежала через полосу света и исчезла под порогом.

Нахт не стал смеяться. Забрал чашку, поставил повыше и заставил Сенеба сесть. Сам поднял упавшую ткань. В этот момент мальчик заметил, что у взрослого тоже дрожит рука: слишком долго держал её над головой. Нахт разжал пальцы, согнул, подождал и опять взялся за край стены.

Позже, когда участок просох, он начал восстанавливать линии. Сенеб видел, как точно ложатся рядом ступни, подошвы, руки. На одной кисти было слишком много пальцев. Нахт заметил сам, стёр лишний и несколько мгновений сидел, глядя на пустое место. Потом коротко выдохнул и продолжил.

Мальчик перестал спрашивать, скоро ли домой. Он приносил воду, отодвигал сумку, собирал мелкие камни, чтобы не попали под босую ступню. Когда Нахт попросил придержать край дощечки, Сенеб уже знал, куда встать, чтобы не загородить свет. Это знание радовало его больше, чем красивая фигура на стене: на фигуру он мог только смотреть, а здесь без него было бы немного труднее.

Позднее пришёл заказчик. Это был сын умершего, человек с маленькой красной складкой на переносице. Он остановился перед надписью и показал на имя.

— Вот это убрать.

Нахт положил кисть.

— Можно закрыть краской.

— Я сказал убрать.

Мужчина прошёл по комнате, проверяя, не забыли ли его других распоряжений. Сенеб отступил к стене с чашкой в руках. Заказчик задел его плечом. Красная вода выплеснулась на ступню.

Когда человек ушёл, Нахт долго смотрел на имя.

— Почему он не хочет, чтобы его брат здесь был? — спросил Сенеб.

— Потому что брат забрал себе больше, чем следовало.

— А этот правильно забрал?

Нахт посмотрел на него почти весело.

— Этот мне платит.

Он взял оружие и начал снимать тонкий слой. Сенеб следил за крошечными сколами. Одного родственника становилось меньше. Остальные продолжали сидеть за столом.

Когда они вышли, старуха всё ещё была под навесом. Она поманила Нахта. Он нагнулся, выслушал. Потом попросил Сенеба подождать и вернулся в часовню один.

На обратном пути мальчик не выдержал.

— Ты имя обратно сделал?

— Она попросила пока не трогать.

— А сын?

— Скажу, не успел.

Сенеб посмотрел на его сумку.

— Ты же успел.

Нахт некоторое время молчал.

— Смотрела бы она потом на пустое место. Каждый раз. Хлеб принесёт и посмотрит.

Сенеб шёл, думая об оставшихся на стене людях. Они сидели рядом так близко, будто никогда не ссорились.

У дома их ждала соседка. Хенут послала её поискать мужа. У Хори опять поднялся жар, и пришёл человек, знавший средства от болезней.

Нахт сразу ускорил шаг.

Сенеб бежал рядом. В комнате было душно. Возле Хори лежал маленький амулет; мальчик всё время трогал его, не открывая глаз. Хенут задавала пришедшему вопросы, а тот отвечал не на все. Просил показать, что ребёнок ел, как спал, давно ли начался кашель. Потом растёр что-то в чашке и велел принести воды.

Сенеб стоял у стены с сумкой. Он боялся поставить её: вдруг сейчас она понадобится.

Когда пришедший ушёл, Хенут присела возле сына. Попыталась дать ему пить. Тот выплюнул горькую жидкость и заплакал.

Нахт достал обломок известняка. На нём была рыба с круглым животом и смешным открытым ртом.

— Держи. Сам просил.

Хори посмотрел на рисунок, потом на отца.

— Это не такая.

— Какая не такая?

— Которую съесть.

Средство осталось на дне чашки тёмной полосой. Хенут соскребла её, попыталась развести ещё раз. Нахт сказал, что мальчик всё равно не выпьет.

— Тогда чего сидишь?

Он поднял на неё глаза.

— Что сделать?

— Не знаю.

Слово прозвучало сердито, почти как обвинение. Хенут убрала чашку, поднялась за водой. Сенеб подвинул сумку, чтобы она не споткнулась.

Пришедший забрал с собой кусок полотна. Прежде оно лежало в свёртке вместе с лучшей одеждой. Хенут отрезала щедро, а когда человек ушёл, стала пересчитывать оставшееся, будто могла таким способом вернуть нужную длину.

Нахт взял ткань у неё из рук.

— Я ещё заработаю.

— Сначала получи то, что заработал.

Он сложил свёрток. Хенут сразу переложила: у него край завернулся наружу.

Хори открыл глаза.

— Вы ругаетесь?

Они оба повернулись к нему.

— Отец не умеет складывать, — сказала Хенут.

Мальчик посмотрел на свёрток. Подозвал Нахта пальцем. Тот наклонился, и Хори что-то прошептал ему в ухо.

— Не скажу, — ответил Нахт.

Хори закрыл глаза, довольный. Сенеб хотел узнать, что именно, но Нахт уже поднялся.

Позже, когда Хенут вышла, тот рассказал: сын велел спрятать от матери рисунок рыбы, раз она всё равно сердится. Сенеб рассмеялся. Хори услышал, открыл глаза и сердито уставился на отца: обещал же не говорить.

Это была обычная маленькая ссора. Через несколько минут её забыли. Хенут вернулась, поправила сыну ткань под головой, спросила, не холодно ли. Он сказал, что жарко, потом сразу — что холодно.

Она снова позвала мужа.

Сенеб стоял возле двери и слушал, как они решают, кого ещё можно попросить прийти. Имя одного человека Хенут отвергла: тот в прошлый раз ничего не сделал. На другого не хватало припасов. Нахт предложил отдать часть того, что должен Бек, когда вернётся.

— Ему самому нечем кормить мальчика, — сказала Хенут.

Сенеб захотел уйти, но она уже увидела его.

— Сенеб, возьми рисунок. Положи на полку. Затопчем ещё.

Он взял рыбу. Поднёс к Хори, чтобы тот тоже посмотрел. Мальчик отвернулся: обида на отца ещё не прошла.

Сенеб положил камень рисунком к стене. Потом подумал и перевернул. Если Хори захочет, пусть видит со своего места.

Нахт вернулся к свёртку, взял инструмент, который мог бы отдать за помощь, повертел в руках. Хенут смотрела на него. Ничего не сказала.

Он убрал инструмент обратно. Без него нельзя было работать.

Нахт присел рядом с женой. Сенеб поставил сумку на пол. Никто этого не заметил.

На стене за спиной Хенут темнело старое пятно копоти. Сенеб подумал, что Нахт мог бы нарисовать здесь стол. Большой. Чтобы на нём было всё, что они любят.

Но вслух не сказал.

Глава 4 Утро без работы

На следующий день после обеда с луковицей мужчины не пошли в долину.

Сенеб узнал об этом по звуку. Обычно за стеной сперва начинали ругаться из-за осла, потом стучали сосуды, потом голоса уходили вверх по тропе. Сегодня голоса оставались на месте.

Отец затягивал пояс.

— Ты тоже пойдёшь? — спросил Сенеб.

— Пойду.

— А работать?

Бек сел перед ним на корточки. У него треснула кожа на нижней губе. Когда он улыбался, трещина расходилась.

— Мы попросим то, что нам должны.

— А если не дадут?

Отец потёр лицо ладонями.

— Тогда попросим ещё.

Он говорил спокойно, но завязал пояс дважды: первый узел всё время распускаясь у него в пальцах.

У Хенут с утра пахло дымом и кислым тестом. Хори лежал в глубине комнаты. Нахт ушёл вместе с остальными, и она злилась на вещи: на треснувший кувшин, на плохо скрученную нить, на дверь, которая цепляла пол.

Сенеб взял у неё из рук веретено. На костяной головке не хватало края.

— Я могу это починить.

— Можешь не потерять.

Он сел на пороге, стал обводить пальцем скол. Веретено постукивало о камень. Из глубины комнаты Хори попросил перестать.

Днём пришли женщины. Они разговаривали быстро, прислушиваясь к улице. Сенеб понял, что мужчины сели возле храма и отказываются уходить. Кто-то обещал зерно. Кто-то велел ждать распоряжения.

— Они там сидят, а дети здесь, — сказала Хенут.

— Наши тоже здесь, — ответила соседка.

Хенут посмотрела на неё и промолчала.

Женщины ещё посидели. Одна обещала принести немного чечевицы, другая спросила, нельзя ли занять у них муки. Хенут показала пустую чашу. Просившая заглянула, будто там могло остаться то, чего хозяйка не заметила.

Сатия пришла последней. У неё была недошитая одежда, которую Хенут обещала закончить. Она взяла работу с собой, сказала, что подождать можно. Хенут остановила её у двери.

— Кто у тебя дома?

Сатия перечислила детей. Старшая уже могла помочь, маленького не оставляли одного.

— Посиди у Хори. Мне спуститься надо.

Она завернула одежду заново, достала из ниши небольшую заколку для волос. Сенеб видел её прежде только по особым дням. Дерево было тёмное, с гладкой резной головкой; Хенут любила проводить по ней большим пальцем, когда поправляла причёску.

Теперь положила в свёрток и позвала мальчика.

У дороги её знали. Женщина, менявшая припасы на ткань и мелкие вещи, сначала отказалась даже разворачивать свёрток: уже видела, что там нет полотна. Хенут сама положила заколку перед ней.

— За это немного дам, — сказала женщина.

— Посмотри сначала.

Та посмотрела. Покрутила, подёргала резную головку. Сенебу захотелось отнять вещь: Хенут никогда не обращалась с нею так грубо.

Зерно отмерили маленькой чашкой. Хенут пересыпала в ладонь, разжала пальцы. Несколько тёмных крупинок упали на ткань.

— Ещё раз.

Женщина нахмурилась.

— Что тебе ещё?

— Отмерь без этого.

— У всех такое.

Хенут придвинула чашку обратно. Не повышала голоса, не объясняла, что дома больной сын. Просто ждала. Сенебу стало страшно, что теперь не дадут ничего.

Женщина ссыпала зерно, взяла из другого сосуда. Отмерила чуть меньше, чем в первый раз. Хенут проверила, приняла. Заколку завернули отдельно и убрали под корзину.

На обратном пути свёрток пришлось взять Сенебу. Хенут одной рукой держала волосы, другой подбирала край одежды возле ступеней. Мальчик прижал зерно к груди. Крупинки перекатывались под тканью, и он считал их движение чем-то вроде живого дыхания.

У поворота навстречу вышел осёл с грузом. Вьюки занимали почти весь проход. Хенут отступила к стене, потянула Сенеба за плечо. Он неловко повернулся, задел свёртком выступающий камень. Ткань разошлась по старому шву. Несколько горстей с шорохом ударились о землю.

Мальчик замер. Хенут присела быстрее, чем он успел подумать. Зажала дырку пальцами, отдала ему целый край и начала собирать. Оsla придержали. Кто-то сердито попросил не сидеть посреди дороги, потом увидел рассыпанное и замолчал.

Сенеб опустился рядом. Зерно было на виду, совсем близко, но взять его оказалось трудно. Между крупинками лежали острые камешки, комки сухой земли, обрывки волокон. Он хватал всё вместе. Хенут забирала у него, просеивала через пальцы. Мелочь сыпалась обратно. Мальчик смотрел на неё с ужасом: казалось, она выбрасывает то, ради чего они пришли.

Колени обжигало. На ладони с ободранным пальцем налипла пыль. Он хотел сказать, что виноват осёл, но увидел, как Хенут ползёт на коленях к самому краю прохода, и принялся собирать молча. Проходящая женщина поставила свой сосуд, помогла им немного. Потом поднялась и пошла дальше. Сенеб не успел поблагодарить, даже лица не запомнил.

Возвращаясь, она попросила Сенеба подержать волосы. Из них выбилось несколько прядей, и ветер гнал их в рот. Он собрал, пока она завязывала шнурок. Вблизи шея у неё оказалась белее лица, с тонкими складками, которых он раньше не замечал.

— Больно?

— Нет. Выше подними.

Он поднял. Хенут затянула узел, взяла свёрток с зерном.

— Ты Нахту скажешь? — спросил Сенеб.

Она посмотрела на него.

— Он не слепой.

Мальчик понял, что вопрос вышел глупый. Заколку она носила много лет.

Дома Сатия сидела возле Хори и рассказывала, как её маленький проглотил косточку. Мальчик требовал показать, где она теперь. Сатия объясняла, что человека для этого пришлось бы разобрать, а ей он нужен целый.

Хенут остановилась в дверях, дослушала. Сын смеялся, потом закашлялся. Она дала ему воды и принялась за зерно.

Дома зерно перебирали заново. Хенут разложила его тонким слоем, вынимала соринки кончиком ногтя. Она не ругала мальчика. Сенеб ждал, когда начнёт, и от этого ожидания всё

никак не мог уйти к Хори. Наконец принёс воды и поставил рядом. Хенут взяла чашку, отпила, ткнула пальцем в место возле него: здесь ещё камень.

Он сел помогать. На ткани постепенно росла маленькая кучка чистого зерна. Всё, что они потеряли, осталось где-то на дороге, смешалось с землёй, и теперь никто не мог бы сказать, сколько именно упало. Сенеб долго искал глазами дырку в свёртке. Хенут подогнула край, проколола иглой и протянула нить. Мальчик следил за каждым стежком, пока отверстие не исчезло.

Молоть пришлось Сенебу. Он сперва обрадовался взрослому поручению. Потом устал и стал часто останавливаться. Хенут подправляла помол, проверяла, не осталось ли крупных частиц. Сатия ушла, всё-таки оставив недошитую одежду: заберёт, когда будет готова, торопиться некуда.

Хори попросил Сенеба не так шуметь.

— Я тебе еду делаю, — ответил тот.

— Всё равно.

Сенеб надавил на камень сильнее. Хенут перехватила его руку.

— Себе тоже делаешь. Тише можно.

К вечеру тесто уже подходило. Хенут поставила у порога пустую чашу и велела Сенебу не трогать: понадобится, когда принесут зерно.

Нахт вернулся с маленьким мешком. Взрослые долго пересыпали зерно из сосуда в сосуд и спорили, на сколько домов его хватит. Бек стоял в стороне. Он держал руку за спиной.

Дома Сенеб увидел на его запястье кровь.

— Упал?

— Ободрал.

— На камне?

— На человеке.

Бек отмыл руку и лёг, не поев. Сенеб долго слушал его дыхание. Он знал: отец не спит. Когда Бек спал, воздух тихо свистел у него в носу.

Глава 5 У стены храма

Бек ударил стражника не ради зерна.

Утром того дня, когда мужчины отказались идти на работу, он надеялся вернуться домой раньше обычного. Сенеб останется у Хенут, а он успеет закончить ручку для соседа, отнести её и получить обещанное. Он даже взял нужный кусок дерева, хотя, выходя с остальными, чувствовал, что возвращение может оказаться не таким скорым.

Они шли вместе. Кто-то громко повторял, что голоден, кто-то молчал. Старый каменотёс держал ладонь на животе. Он привык затягивать пояс перед работой и теперь всё поправлял его, хотя ничего тяжёлого поднимать не собирался.

Бек знал почти каждого. Не всех любил. Один постоянно жаловался, другой просил в долг и забывал, третий однажды унизил его при начальнике. Но сегодня они шли рядом, и выяснять, кого из них он любит, было некогда.

Возле храма сели в тени стены. Тень была узкая; места не хватало, и начался обычный спор, кто пришёл первым. Бек хотел съязвить, но посмотрел на старика и подвинулся сам.

Пришёл писец. Выслушал. Сказал, что надо говорить по одному.

Нахт поднялся и объяснил: дома нет припасов. Выданного не хватило. Люди не могут работать с пустыми руками и пустыми животами. Он говорил медленно, выбирая слова. Бек смотрел на него с неожиданным уважением. Дома Нахт часто спотыкался о собственную шутку и начинал сначала; здесь будто заранее знал, где закончится каждая фраза.

Писец сделал несколько отметок и попросил не заслонять свет. Люди отодвинулись.

Бек до этого дня несколько раз мысленно объяснял себе, что скажет распорядителю. Он будет говорить спокойно. Назовёт, сколько не получено, напомним, какую работу они сделали, спросит, когда ждать. Всё это казалось достаточно простым, пока не пришлось стоять возле человека, который сам ничего не мог выдать.

Писец велел ждать. Слова оставались теми же, что вчера, что несколькими днями раньше. Только сегодня на них должны были ответить сразу многие.

— Мы уже ждали, — сказал Пасер.

Человек повернулся к нему, попросил не мешать записывать. Пасер зашёл с другой стороны, чтобы видеть, что тот пишет. Начался новый спор. Нахт встал между ними, сказал, что все услышали: сейчас запишут, потом передадут.

Бек увидел, как приятель бережёт чужую тростинку от толчка. Когда-то Нахт так же заслонял кисть, которой Сенеб хотел нарисовать на полу. Бек тогда посмеялся. Сейчас стало неприятно: выходит, они ещё и заботиться должны, чтобы их просьбу записали удобно.

Он ушёл к краю тени. Попробовал закончить взятую с собой заготовку. Дерево не слушалось: пальцы были влажными, инструмент соскальзывал. Рядом уселся Тети, попросил не сорить на него.

— Место выбери другое.

— Ты и выбери. Я сию.

Бек хотел ответить, но передумал. Собрал стружки в ладонь. Несколько упали на одежду Тети, тот стряхнул, уже без злости. Они сидели бок о бок, глядя на закрытую дверь.

Нахт подошёл позже. Сел с другой стороны. Бек заметил у него на локте белое пятно: утром торопился и не отмыл.

— Ты бы домой сходил, — сказал он. — К Хори.

— А здесь кто останется?

— Мы останемся.

Нахт покачал головой.

— Домой пустой прийти — что сказать?

Бек перестал трогать заготовку. Он знал, как это бывает: человек ещё не вошёл, а в доме уже слышно, принёс он что-нибудь или нет. Сын смотрит на сумку раньше, чем на лицо. Потом спохватывается, спрашивает о работе, старается сделать вид, что встречал тебя самого.

— Я ей должен, — сказал Нахт.

— Ей?

— Не получилось с заказом. Часть отдали за другое. Она ждала.

Бек обтёр инструмент о пояс.

— Ты не нарочно.

Нахт пожал плечами. К дому всё равно предстояло возвращаться.

Пасер позвал их: спрашивали имена. Бек встал, пошёл отвечать. Писец поднял глаза, попросил назвать отца. Потом посмотрел на остальных, повторяя те же вопросы.

На минуту Беку стало легче. Раз спрашивают, значит, что-то движается. Он ответил громко, ясно. Услышав своё имя в пересказе, решил, что теперь его точно не забудут.

К полудню тень переместилась. Старый каменотёс перестал поправлять пояс и просто лёг. Мужчины молчали. Тот, кого Бек не любил за забытые долги, достал остаток хлеба, отломил старику, потом завернул обратно так, чтобы никто не видел, сколько осталось.

Бек вспомнил Хенут с крошками возле очага.

Припасы привезли ближе к вечеру. Оказалось, не всё, не на всех и не оттуда, откуда должны были. Начали делить. Часть людей осталась ждать продолжения, часть пошла узнать, почему возле соседнего двора мешки есть, а выдавать их нельзя.

Бек пошёл с ними.

Нахт окликнул его. Он отмахнулся. Потом вспоминал этот жест в помещении у загонов: мог бы остановиться, забрать выделенное, уйти к сыну. Никто не заставлял идти дальше.

Перед складским двором было душнее, чем у храма. Стены не давали ветру пройти, люди теснились, нагретая пыль висела между лицами. Бек попробовал повернуть голову и обнаружил, что не может: чужое плечо упиралось в подбородок. Позади требовали пропустить вперёд. Впереди велели отойти. Отойти было некуда.

Из открытых ворот пахло сухим зерном. Этот запах злил сильнее слов. Бек видел тёмную полосу на мешке, чужую ладонь, быстро развязывавшую горловину. Кто-то внутри протаскивал груз дальше, в тень. Снаружи поднялся крик: уносят. Бек не знал, уносили ли на самом деле или просто перекладывали, но сразу захотел пробиться к воротам и увидеть своими глазами.

Спереди оступился молодой мужчина. Люди качнулись. Бек успел подхватить его под мышку и поднять, хотя тому, кажется, было удобнее опуститься на корточки. На затылке молодого выступил пот. Он всё повторял, что ему только спросить, словно имел право пройти потому, что не собирался ничего требовать.

Бек вытолкнул его в сторону. Пальцы захватили край собственной рубашки, ткань треснула у шва. Он увидел короткую белую нитку и неожиданно вспомнил Ипет: утром она обязательно заметила бы разрыв, заставила снять и стоять, пока не зашьёт. Теперь разрыв останется до тех пор, пока Хенут не спросит, не легче ли ему ходить вовсе без одежды.

Пасер уже спорил у верёвки. Тети стоял чуть дальше, держал ладони перед собой, как держат возле пугливого животного. Бек попытался добраться до них. Под ногой скользнул пустой черепок. Он пнул его к стене, почувствовал, как край режет подошву сандалии, и выругался так громко, что соседний мужчина обернулся.

Бек ещё мог уйти. Проход вдоль стены оставался свободным. Там было тесно и пахло мочой, но можно было протиснуться, выбраться к дороге, вернуться за долей, которую уже делили. Он даже повернулся туда. Затем услышал сухой голос стражника и увидел старого каменотёса, протягивавшего руку за водой.

Позднее Бек не сумел бы объяснить, почему остался. Самого старика он не особенно любил: тот вечно лез с советами и мешал работать. Но сейчас его голая рука дрожала возле

ограждения, за которым было всё, что им обещали, и Бек перестал смотреть на свободный проход.

Возле складского двора стояла стража. Пасер спорил, показывая на открытые ворота. Тети говорил, что нужно позвать распорядителя. Кто-то сзади толкнул, и Бек оказался слишком близко к человеку с палкой.

Старый каменотёс тоже подошёл. Попросил воды.

Стражник велел отойти.

Старик не услышал или не понял. Подался вперёд, ухватился за край ограждения. Палка ударила его по руке. Он закричал, съехал на землю, и Бек ударил раньше, чем успел решить.

Человек пошатнулся. Бек почувствовал под кулаком зубы, режущие кожу. Ударил ещё раз — уже решив, уже понимая.

Потом их толкали, кто-то рванул верёвку, упал сосуд. Пасер оказался внутри двора. Один мешок вытащили, другой зацепился. Бек держал стражника за одежду, пока Тети не ударил его самого по плечу.

— Отпусти. Хватит.

Он отпустил.

Когда всё закончилось, у него болела рука. Ладонь липла. Мешок, который вынесли, уже делили. Нахт стоял поодаль и смотрел на него так, что Бек не подошёл.

Он не испытывал гордости. Старика уводили, прижимая руку к груди. Стражник сидел возле стены и сплёвывал кровь. Ещё утром все эти люди встали, собираясь прожить обычный день.

Бек спрятал руку за спину.

Дома вымыл её. Сенеб спросил, обо что ободрал. Бек ответил: о человека. Сын не понял, и он не стал объяснять.

Он лёг и спрятал больную руку под край циновки. Сенеб дышал слишком ровно. Бек знал, что сын не спит, но не стал заговаривать: не мог ещё объяснить ему, почему после второго удара легче не стало.

Глава 6 Пока не остыл

Ночью в дверь постучал Нахт.

Они разговаривали возле стены, думая, что мальчик спит.

— Ты ударил стражника, — сказал Нахт.

— Он ударил старика.

— Ты меня слышишь?

— Слышу. Не кричи.

Потом долго было тихо.

— Уйди на несколько дней, — сказал Нахт. — Пока не уляжется.

— А мальчик?

— У нас побудет.

Сенеб закрыл глаза, когда отец вошёл. Он боялся, что его заставят выбирать: идти с отцом или остаться в доме, где лежал больной Хори.

Утром Нахт вернулся к ним. Сенеб уже поднялся со своей циновки. Нахт держал пустую сумку. Бек сидел на пороге и перетягивал ремень на сандалии.

Они говорили негромко. Сенебу велели собрать одежду и взять то, без чего он не обойдётся. Он не знал, сколько вещей понадобится на несколько дней. Сначала взял слишком много, потом рассердился и высыпал всё обратно.

Отец вошёл, присел рядом.

— Рубашку возьми. Одеяло я потом принесу.

— Ты куда пойдёшь?

Бек посмотрел на дверь, где ждал Нахт.

— Недалеко.

— Тогда я с тобой.

— Там тебе нечего делать.

Сенеб схватил рубашку. Отец потянул край, мальчик не отпустил. Некоторое время они держались за одну ткань, и ни один не мог сделать следующий шаг.

— Я не маленький, — сказал Сенеб.

— Знаю.

— Ты всегда так говоришь.

Бек отпустил. Сел на пол, прислонившись к стене. Сенеб стоял перед ним с рубашкой, которую теперь некому было отдавать.

— Я бы тебя взял, если бы можно было, — сказал отец.

Мальчик отвернулся. Нахт за дверью пошевелился, кашлянул.

Бек встал и начал собирать свои вещи. Кусок одежды, инструмент, маленький свёрток из ниши. Его завернул осторожнее остальных. Подал Нахту, тот положил в сумку. Сенеб хотел спросить, что там, но отец опять занялся сандалией, и слова застряли.

Потом Бек отыскал мальчикову рубашку, вывернул, проверил край. Оттуда торчала нить. Он потянул, понял, что сейчас распустит шов, обкусил и пригладил.

— У Хенут попроси, чтобы подшила.

— Сам попроси.

Отец подержал рубашку перед собой и кивнул.

Они вышли, оставив воду возле стены. Сенеб заметил и вернулся, чтобы накрыть сосуд: иначе налетят мухи. Бек ждал на улице. Мальчик нарочно возился дольше, чем требовалось. Хотелось, чтобы отец окликнул его сердито, поторопил. Тогда можно было бы сердиться в ответ.

Но тот не окликнул.

К Хенут Бек отвёл его сам.

— Я скоро.

— Куда?

— По делу.

Сенеб смотрел на отцовские сандалии. Один ремешок был новый, другой старый. Ему захотелось сказать что-нибудь такое, от чего взрослые перестанут говорить чужими голосами.

— Ты лук принеси.

— Принесу.

— Целый.

— Целый.

Бек потрепал его по голове. Потом опустил руку и поправил ворот его рубашки, хотя поправлять было нечего.

Через два дня Хенут послала Сенеба отнести отцу еду. Она не сказала места. Нахт показал тропу и велел никому не рассказывать.

Тропа поднималась за последними домами, потом уходила в сторону старых стен. Нахт прежде показал поворот, велел держаться нижнего края и не срезать через камни. Пока взрослый стоял рядом, дорога казалась простой. В одиночестве Сенеб сразу увидел несколько одинаковых мест, где можно было свернуть.

Он остановился возле первого, посмотрел назад. Между домами двигались люди; отсюда улица была похожа на глубокую трещину. Оттуда никто не следил за ним. Это одновременно радовало и пугало. Сенеб подтянул свёрток, пошёл дальше, нарочно не оглядываясь.

За стеной пахло горячим камнем. Ветер шевелил сухой сор, гнал его вдоль земли. Под одной плитой лежала тень, похожая на узкую воду. Сенеб подставил туда больную пятку, хотя

она уже почти зажила. Отдохнул и сразу решил, что отец рассердится: еда остынет, а он тут стоит.

На верхнем повороте показался незнакомый мужчина. Мальчик прижал свёрток к животу, пропустил его. Человек даже не посмотрел. У него на плече висела верёвка, конец бил по бедру. Сенеб слышал это постукивание, пока шаги не исчезли, и всё время боялся, что его окликнут, спросят, куда идёт и что несёт. Ответ он придумал заранее: к Хенут. Теперь понял, что Хенут осталась у него за спиной и ложь заметят сразу.

К загонам он вышел слишком высоко. Пришлось спускаться боком. Под ногой поехала мелкая осыпь, мальчик схватился за стену. Крошки известняка набились под ногти. Еда в свёртке качнулась; он испугался, что разлил, но ткань была сухой. Сенеб присел, перевёл дыхание и впервые услышал за стеной мужской кашель.

Он узнал отца ещё прежде, чем увидел. Бек всегда кашлял коротко, будто досадовал на помеху. Сенеб хотел войти тихо, показать, что сумел добраться без помощи, но у порога задел обломок и шумно толкнул его внутрь.

Отец поднял голову. На мгновение лицо сделалось совсем чужим: настороженным, злым. Потом Бек узнал сына, отставил лежавший на коленях кусок дерева и протянул руку. Сенебу стало так хорошо, что он едва не сказал сразу всё, что придумал по дороге. Вместо этого только поднял свёрток, проверяя, не дрожит ли рука.

В заброшенном помещении за старыми загонами пахло мышами. Бек сидел на перевёрнутом сосуде. Кроме него там были ещё двое мужчин. Один при виде мальчика отвернулся к стене.

В свёртке были лепёшка и немного варёной чечевицы. Отец взял его миску, понюхал.

— Хенут готовила?

— Она сказала, ты и сам поймёшь.

Отец улыбнулся, но есть не начал.

— Как Хори?

— Спит. Всё время.

Бек протянул ему маленькую вырезанную птицу. Крыло ещё не было закончено.

— Отнеси. Скажи, доделаю, когда вернётся.

— А когда?

Бек поднял ладонь и накрыл ею миску.

— Скоро. Видишь, хлеб ещё тёплый?

Сенеб потрогал лепёшку.

— Уже нет.

Отец почему-то рассмеялся. Притянул его к себе, прижал щекой к животу. Сенеб терпел: в помещении были другие мужчины, а он уже не маленький.

Бек осмотрел сыну пятку. Сенеб поджал ногу, сказал, что уже зажило. Отец всё равно провёл пальцем возле прокола, проверил, не больно ли, и велел помыть ноги, когда вернётся.

— Здесь никто не моет, — заметил Сенеб.

На полу действительно было грязно. Мужчина у стены повернул голову. Второй сидел в глубине, подтянув одежду к подбородку, будто мёрз. Сенеб не мог хорошо разглядеть его лица.

Бек отпустил пятку.

— Там помоешь, дома.

— Мне когда домой?

— Уже иди. Мать...

Он осёкся. Сенеб посмотрел на него.

— Хенут ждёт, — закончил Бек.

Мальчик положил ладонь на птицу, хотел отдать обратно. Ему больше не нравилась игрушка. Почему отец сидит здесь, вырезает дерево, если можно прийти к ним и делать то же

самое дома? Почему взрослые опять говорят так, словно он должен сам догадаться о чём-то важном?

— Ты меня заберёшь?

Бек кивнул.

— А если я здесь останусь?

— Не надо.

— Я тихо буду.

— Сенеб.

Отец произнёс имя привычным строгим голосом, и мальчик обрадовался: это был наконец его отец, который мог рассердиться на него и потому переставал казаться чужим.

Он встал. Бек подтянул ему пояс, сунул птицу глубже, чтобы не выпала по дороге.

— Хори скажи, пусть лечится.

— Он и так лечится.

— Тогда пусть быстрее.

Сенеб улыбнулся, не удержавшись. Отец тоже улыбнулся. Лицо сразу сделалось усталым, как будто до этого он держал его на весу.

Из помещения мальчик вышел сердитым. Не обернулся. На дороге всё-таки остановился, подождал, не позовут ли обратно, не выйдет ли отец сказать, что передумал и они сейчас пойдут вместе.

Никто не вышел.

Уже возле дома Сенеб достал птицу. На её спине сохранилось светлое пятно, где Бек снял кору. Мальчик провёл по нему большим пальцем, проверил, заноз нет ли. Хотел при встрече сказать отцу, что игрушка получилась плохая: одно крыло не готово, клюв кривой.

Потом решил не говорить. Пусть сперва придёт.

Дома Хенут спросила, поел ли отец.

— Не при мне.

— Где сидел?

Сенеб покачал головой.

Она посмотрела на него, потом на циновку, где лежал её сын.

— Мне можно.

Он рассказал про большой пустой сосуд, про мышиный помёт, про человека, который отвернулся. Хенут выслушала, не задавая больше вопросов.

В ту ночь Сенеб проснулся оттого, что она искала что-то в темноте. Он услышал знакомый костяной стук.

— Веретено на полке, — сказал он.

— Спи.

Дверь тихо закрылась.

Глава 7 Два мальчика

Зерно привезли утром.

Не на всю улицу — только к дому Нахта. Двое мужчин поставили мешок у порога. Хенут провела ладонью по завязке, будто проверяла, настоящий ли он.

Нахт спросил, откуда.

— Выдали, — ответила она.

— Остальным?

— Не знаю.

Он стоял перед мешком, не прикасаясь. Потом из комнаты донёсся голос Хори, и Хенут отодвинула мужа плечом.

Она готовила весь день. Слишком долго вымешивала тесто, слишком часто заглядывала к огню. Хори дали жидкую кашу. Он проглотил немного и попросил птицу.

Сенеб вложил игрушку ему в руку.

— Крыло потом сделает.

Хори кивнул. Незаконченное крыло было толстым, с острыми следами резца.

К вечеру Сенеб пошёл к загонам. Нахт догнал его уже за последними домами и взял за плечо.

— Нельзя.

— Я только спрошу.

— Там никого нет.

Сенеб вывернулся, побежал. Внутри лежал разбитый сосуд. На земле темнели раздавленные чечевичные зёрна. Игрушечных стружек он не нашёл, хотя искал именно их.

Нахт вошёл следом.

— Где он?

Нахт посмотрел на стену. Там была глубокая свежая царапина.

— Не знаю.

— Он ушёл?

Нахт помолчал.

— Пойдём домой.

Сенеб оттолкнул его руку.

Он ждал у своего дома до темноты. Соседка вынесла ему воду и сказала, что ночью здесь холодно. Он ответил, что знает.

Позднее пришла Хенут. Она принесла его одеяло.

— Я здесь останусь.

— Хорошо.

Он не ожидал согласия и от этого едва не заплакал.

Хенут села рядом. Они долго смотрели на пустую улицу. В соседнем дворе плакал ребёнок, звенела крышка сосуда, кто-то ругал собаку. Обычный вечер продолжался, и Сенеб ненавидел его за это.

— Он за мной придёт, — сказал мальчик.

Хенут натянула одеяло ему на колени.

— Поешь сначала.

Она протянула лепёшку. Он выбил её из руки. Лепёшка покатилась, легла в пыль.

Хенут подняла её, долго очищала. Он ждал, что она ударит его. Но она завернула хлеб в ткань и убрала.

На другое утро Хори захотел выйти во двор. Хенут обрадовалась так быстро, что Сенеб тоже решил: поправляется.

Ему велели подержать дверь. Нахт поднял сына, поставил. Мальчик сделал несколько шагов и сел прямо на пороге. Серdito отстранил руку матери: не надо трогать, сам знает, где сесть.

Его оставили там ненадолго. Сенеб присел рядом, показал стружку, похожую на хвост. Хори не заинтересовался. Хотел посмотреть, что делают соседи, но из-за сидевших перед ним взрослых ничего не было видно.

— Отойди, — сказал он Нахту.

Отец отошёл.

— Ты тоже.

Хенут придвинулась к стене. Некоторое время Хори смотрел на улицу. Потом попросил обратно.

После этого выхода все почему-то говорили тише. Сенеб не понимал: сам же попросился, сам дошёл, чего теперь ещё? Он положил стружку возле птицы. Хори велел убрать, она колется.

Взрослые пытались кормить его маленькими порциями. Мальчик жаловался, что невкусно. Хенут дала то, что прежде он любил больше, но и от этого отвернулся. Она попробовала сама, словно еда могла испортиться по дороге от очага к циновке.

Сенеб съел свою порцию. Стал смотреть на оставленную чашку. Хори заметил.

— Не дам.

— Мне не надо.

— Смотришь.

Сенеб отвернулся. Хенут убрала чашку. Через некоторое время принесла другую, с водой, и Сенеб увидел, что у неё на подбородке белеет засохшая полоска: пробовала недоеденное, вытереть забыла.

Ночью Хори всё время раскрывался. Мать поправляла ткань, он скидывал. Нахт сказал, что ему жарко, надо дать полежать. Хенут ответила, что холодный воздух тянет от двери. Они говорили шёпотом, но мальчики слышали.

Сенеб закрыл голову краем одеяла. Ему хотелось уснуть хотя бы на несколько мгновений. Стоило начать проваливаться, как Хори кашлял или взрослые снова поднимались. Сенеб злился на всех и боялся, что они это заметят.

Однажды Хори позвал его.

— Ты спишь?

Сенеб притворился, что не слышит.

— Сенеб.

Он сдвинул ткань с лица.

— Что?

— Расскажи.

— Завтра.

Хори помолчал.

— Не про скорпиона. Про реку.

Сенеб сел. Рассказал, как Хори упал и думал, что его станут ругать. Тот возразил, что вовсе не думал. Сенеб напомнил про краба. Хори улыбнулся, но говорить за краба отказался: устал.

Мать принесла воды. Пока помогала сыну пить, Сенеб снова лёг. Было хорошо, что от него больше ничего не требуют. Потом Хори закашлялся, и это короткое облегчение кончилось.

Человек со средствами пришёл ещё раз. Сенеба отправили во двор, попросили подождать. Он слышал голос Хенут, отдельные вопросы. Почему не помогает. Что ещё можно сделать. Что принести.

Тот отвечал длиннее, чем в первый раз. Сенеб не разобрал слов. Дверь открылась, человек вышел, постоял, поправляя сумку. Мальчик пропустил его, прислонился к стене.

Хенут осталась в комнате. Нахт вышел во двор, потрогал скамью, которую недавно починил Бек, нажал на край. Она не качалась.

Он долго сидел на ней, не снимая сумки.

На четвёртое утро после того, как привезли зерно, Хори умер.

Сенеб не сразу понял. Утром Хенут велела ему принести воды. Когда он вернулся, во дворе сидели женщины. Одна прижала его лицо к своему животу, и он не мог отстраниться: у него в руках был тяжёлый кувшин.

Нахт сидел на полу возле циновки. Рука Хори ещё сжимала птицу.

Потом отец разжал ему пальцы. Слишком осторожно, будто мог сделать больно.

Сенеб вышел на улицу. Ему было стыдно, что первой его мыслью стало: теперь не придётся ни с кем делить одеяло.

Он стоял за домом и ждал, когда станет достаточно плохо, чтобы эта мысль исчезла. Но чем сильнее он старался, тем яснее видел ноги Хори у себя на животе и слышал: «Расскажи про скорпиона».

Сенебу велели переодеться. Он полез за рубашкой и увидел в нише свои вещи, принесённые из дома Бека. Они всё ещё лежали отдельным свёртком. Значит, его ждали только на несколько дней. Этого никто не говорил уже давно, но свёрток оставался на месте.

Он оделся сам. Завязал пояс неправильно, узел оказался сбоку. Хенут подошла поправить. Пальцы не слушались, и она начала сердиться на ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.